

Произведения победителей Седьмого открытого заочного литературного конкурса имени Константина Сергеевича Бадигина - Номинация «Поэзия»

Первое место (золото) и звание лауреата:

[Великжанин Павел Александрович](#) (персональный номер участника - 800)

Второе место (серебро) и звание лауреата:

[Курьянов Владимир Борисович](#) (782)

Второе место (серебро) и звание лауреата:

[Юрий Аганин](#) (666)

Третье место (бронза) и звание лауреата:

[Грицук Анатолий Павлович](#) (645)

Третье место (бронза) и звание лауреата:

[Рыбаков Константин Павлович](#) (664)

Звание дипломанта конкурса:

[Барамзин Денис Владимирович](#) (773)

[Соколова Наталья Владимировна](#) (722)

[Девятков Вячеслав Владимирович](#) (643)

[Тетенькина Татьяна Григорьевна](#) (650)

[Эйза Людмила Александровна](#) (657)

[Колмогорова Наталья Ивановна](#) (658)

[Резвова Юлия Александровна](#) (778)

[Батрушевич Валерий Евгеньевич](#) (817)

[Фасхутдинов Ренарт Мутагарович](#) (855)

[Нурдинов Альберт Рашидович](#) (624)

[Радзевичене Елена Геннадьевна \(Лена Оливвла\)](#) (777)

Великжанин Павел Александрович – родился в 1985 году в Кузбассе в семье учителей. Жил в Сибири, Зауралье, Волгограде, в Москве и Подмосковье, в г. Волжском Волгоградской области. Русский поэт. Юрист.

Автор шести книг стихов. Победитель, призер, лауреат и дипломант ряда всероссийских и

международных литературных конкурсов и премий. В том числе лауреат и дипломант наших конкурсов маринистики 2018, 2023 и 2024 г.г. Член СПР. Член экспертного отдела Совета молодых литераторов СПР.

Живёт в Волгограде.

Перекресток судьбы на Андреевском флаге

Ладожский флот сорок первого

Целлулоидные пупсы, ручки-ножки на резинках,
Производства Ленинграда (что на Охте, химзавод),
Едут в детских чемоданах, узелочках и корзинках,
И не слышат: кто-то плачет, кто-то матушку зовёт.

И не слышат: стонут рёбра старой баржи от напора
Ветра встречного с востока, лютых ладожских валов.
И не слышат: стонет небо, гнется небо, рухнет скоро –
Вместе с выпавшей из тучи стаей свастичных «крестов».

Клин стервятников прорвался сквозь небесные кордоны.
Преградить дорогу бомбам не успел наш военлет...
Стонут волны. Баржа тонет. И холодный мир бездонен.
И на день девятый – сверху нарастает ломкий лед.

...Целлулоидные пупсы из распавшихся корзинок
Поднялись со дна, лишь время невской кровью истекло.
Куклы, помните ладошки – вас несли из магазинов?
...Не ответят неживые сквозь музейное стекло.

Подводники

Сонар стальной акулы заблажит –
И в миллионы раз врага умножит.
С подводной лодки крыса не сбежит,
Но дырочку в обшивке сделать может.

Столбы воды на темени держа,
Железный нерв звенит струной швартова.
Но только изнутри любая ржа
Без воздуха сожрать тебя готова.

Пускай разинет смерть голодный рот –
Чего бояться нам ее, подлюки?
Мы, дожигая в легких кислород,
Не барабаним в запертые люки.

Зов Океана (триптих)

1.

Стучат топоры корабелов в ускоренном ритме сердец:
Живет лишь строительным делом царь-плотник, державы творец.
Добротной должна быть работа:нрав мастера точен и крут.
И первенцы русского флота со стапеля в пену скользнут.

Пускай удивляются деды:России – волнами владеть!
И в залпах петровской победы гремит колокольная медь.
В речных рукавах флоту тесно – покинул свою колыбель,

Андреевских вымпелов песню неся до заморских земель.

Все полюсы ждут и экватор лихое Петрово гнездо...
И кровь стал смывать император соленой от пота водой...

2.

Океанский прорезался зов
В узком горле проливов суровых.
Русский флот начинался с азов,
Русский флот начинался с Азова.

Мы по рекам дошли до морей,
Отчий край русским душам стал тесен,
И кресты наших мачтовых рей
Одолели кривой полумесяц.

Родословною зря не кичась –
Плотник-царь на такое ругался –
Матерясь, мы учили матчасть
Да загибы соленого галса.

Сдав экзамены в Гангутский бой,
И диплом получив при Гренгаме,
Мы любые дороги водой
Стали твердыми мерить шагами.

Океанский прорезался зов
В перехваченном горле проливов,
А теперь наш простор бирюзов,
Русский вымпел летит горделиво.

Вместо паруса – атомный пар,
Вместо ядер – ракетные вихри,
Но, как прежде, так встретим удар,
Чтоб чужого любители – стихли.

На морском рубеже хитрый враг
Не найдет ни пробоин, ни трещин,
Потому что Андреевский флаг
С нашей жизнью навек перекрещен.

3.

Не утопая ночью, солнце идет по морю:
Вслед кочевому кочу, вслед смельчаку-помору.
Карбасы, лодьи, струги: Муромец ищет Мурман.
С берега взгляд подруги в море спасает бурном.

Пусть океана губы землю целуют жадно,
Пусть вместо мачты – трубы: время течет, и ладно.
Сталь заменила сосны, но слабины не будет:

Ходят по водам грозным те же стальные люди.

Пусть и шторма все те же, ветер не стал напевней –
Северный флот разрежет волны и льды форштевнем.
Сколько и звезд, и терний скрыто в твоей судьбе?
Северный – значит верный Северу и себе.

Бронекатер

Шум выхлопа выдав за плеск переката,
Маскать натянув на лицо,
К воде прижимаясь, ползет бронекатер,
Моля просолённым словцом

О том, чтобы темное тихое небо
Не треснуло трассами пуль,
И, выжрав со шнапсом чужой ломоть хлеба,
Уснул бы фашистский патруль.

Не дрогнула полночь, волна не плеснула,
Не дав наш кораблик засечь.
И ввысь поднялись орудийные дула,
Сверкнув, будто огненный меч...

Винты, отдохните! И время не пеньте,
Когда сотрясались столпы –
Плынет он теперь на своем постаменте
Средь праздничной майской толпы.

Нечасто глядят благодушные люди
На свод безмятежных небес...
Что держится только стволами орудий,
Когда-то сражавшихся здесь.

Курьянов Владимир Борисович – родился в 1960 году в Подмосковье. Закончил Архангельское мореходное училище и Ленинградское высшее инженерное морское училище и Московский

финансовый институт. Работал в плавсоставе Северного Морского пароходства, в центральном аппарате Минморфлота, в судоходной компании в Лондоне (Великобритания), где и проживает в настоящее время.

Морская терминология

К.М. Станиковичу и А.С. Новикову-Прибою

Пролог

С далёких дней Петра Великого
Морские термины в почёте,
От странного и даже дикого
До тех, что не произнесёте.

Хранятся старые традиции
В династиях и ритуалах,
По праву есть и чем гордиться,
Что сохранить в морских анналах.

I

Однажды, со штабною меркою
На броненосец прибыл срочно
Столичный адмирал с проверкою,
А вместе с ним жена и дочка.

Не из богатого купечества,

Отец служил и сыну тоже
Наказывал любить отчество,
Жить честно, и – Господь поможет.

Сын, как отец, служил старательно,
Суровых лет на всех хватало,
И царской милостью внимательной
Стал по заслугам адмиралом.

Девице нет ещё семнадцати,
Просилась с папенькой на службу,
Куда родителям деваться-то,
В столице в эту пору лужи.

Сюрприз для корабля немаленький,
Уж лучше будни боевые,
Чем пребыванье дочки с маменькой, –
Они на корабле впервые.

И командир старпому: «Батенька,
Распорядитесь комсоставу
Недопустить ни слова матерно,
Команды только по уставу».

Старпом, немедля, с офицерами:
«Надеюсь, ясно, – поспешите,
Строжайше действенными мерами
Весь экипаж предупредите».

И офицеры строго-настрого
Для унтеров, чтоб те – матросам
Приказ «Молчать!» внущили явственно
Пудовым кулаком под носом.

II

Аврал! Тревога! Службы ожили,
И адмиральский смотр с проверкой
Корабль как улей растревожили –
Звонки, сигналы, воздух терпкий...

Старпом и Кэп на верхнем мостице,
Там адмирал и дамы тоже.
На рейде смотр обычно простенький,
Всё по уму идёт, похоже.

Машины, механизмы – вертятся,
Матросы – ловкие как Кошка*.
Вдруг, молодой чуть-чуть замешкался
На баке – на виду, немножко...

Сам боцман встал, не в состоянии

Посметь представить даже в мыслях,
Что он матросу в назидание
Сказал бы в образах и числах.

А мичман смог, но только мысленно
В уме представить эту фразу;
По дальним шхерам курсом истинным
Матрос отправился бы сразу.

Такой же сленг беззвучным шёпотом –
Старпом пошевелил губами...
Кричали чайки громким хохотом,
И мило улыбались дамы.

А командир... он всех отважнее,
Чтоб впредь не приключалась драма
На бак матросу – ТРЁХ-Э-ТАЖ-НЫ-Е!
Без промедления и срама.

Опомнившись, весь в извинениях
Расшаркивался аккуратно,
Прося покорнейше прощения
У дам, и бормоча невнятно.

Но адмирал отнюдь не строгими
Ему словами отвечает:
«Они морской терминологии
Пока ещё не понимают».

Пусть сухопутный улыбается,
Простим незнание вопроса,
На флоте матом не ругаются,
А разговаривают просто.

Эпилог

В столице снежная метелица,
Сторпому в радость и ненастье –
На адмиральской дочке женится.
Ну что ж, и мы желаем счастья.

* матрос Кошка Пётр Маркович – герой обороны Севастополя в период Крымской Войны (1853-1856), впоследствии на флоте лучших матросов стали называть – Кошка

Юрий Аганин – родился в 1977 году, до 2013 года проживал в г.Архангельске. Высшее юридическое образование. Майор внутренней службы в отставке. Ветеран боевых действий на Северном Кавказе. Член Союза Литераторов России. Член ЛИТО «Орфей» г. Геленджик. Победитель, лауреат, дипломант и финалист региональных, всероссийских и международных литературных конкурсов, публиковался во многих коллективных сборниках и альманахах. Награжден ведомственными и общественными наградами.

Живёт в г. Геленджик Краснодарского края.

1418 дней ожидания

I. Выпускной 1941-го

Звучали вальсы в коридорах школы,
Народ кружился средь воздушных струй.
А мы с тобой шушукались за шторой,
Ты подарил мне первый поцелуй.
В глухих каблучных быстрых перестуках,
Шипел фальшиво старый патефон.
Я вся цвела, мне было не до звуков,
Шептал мне про влюблённость Купидон.
Последний вальс, прощанье с милым классом,
Галдят выпускники наперебой.
Мы незаметно повзрослели разом,
Дорога в жизнь – наш школьный выпускной.
Мои ты гладил спутанные кудри,
Ты был настойчив, я была скромна.
И мы не знали, что случится утром.
А утром будет страшная война.

II. Выстрел

Тихо утром, слышен выстрел,
Я надеюсь не по мне,
Одиноко в поле чистом,
Сложно, братцы, на войне.
Песню лихо затянули,
Соловьи наперебой,
И свистят навстречу пули,
Я надеюсь, не со мной.
Пусть стреляют, встану прямо,
Поздно двигаться назад,
Буду так стоять упрямо,
Словно вышел на парад.
Вероятность с пулей встречи
Пятьдесят на пятьдесят,
Коль убьют, поставят свечи,
И посмертно наградят.
Прекратилась канонада,
Наслаждаюсь тишиной,
Мне другого и не надо,
Всё нормально – я живой.

III. Паренёк (Монолог санинструктора)

Ну вот, дружок, я рядом, все отлично,
Сейчас наложим потихоньку жгут.
Да, потрепали, брат, тебя прилично,
Но, ладно, в медсанбате соберут.
Ну что, родимый, лезем дружно к нашим?
Ты только подсоби мне хоть рукой.
И не ругайся, я поела каши,
Хохмит ещё с простреленной ногой.
Почти на месте, вон видны окопы,
Давай, терпи, ещё чуть-чуть, милок.
Тебе свезло, я знаю все здесь тропы.
Всё, добрались, родной.
Ты что замолк?
Не дожил паренёк до медсанбата.
И снова чью-то мать мы огорчим.
Ох, сколько ж там ещё отцов и братьев.
Довольно слёз, полезу за другим.

IV. Письмо с фронта

«Желаю здравья, дорогая мать,
Привет сердечный посылаю с фронта.
Я рад, что получилось написать,
Пока нет срочных дел на горизонте.
Как бабушка, Наташка? Как отец?
У нас, кажись, какое-то затишье,
Два дня уже как не свистит свинец,
И весточку черкнуть не будет лишним.
На улице дождливая весна,
Сырыеечно обувь и штанины.
Я думаю, закончится война,
Когда прогоним фрицов с Украины.
Ну всё, пока. На штурм моё звено,
Целую, передай привет сестрёнке».
Рыдает в голос мама, ведь письмо
Пришло одновременно с похоронкой.

V. Я помню

Я помню всех не вставших пофамильно.
И скорби помню веточки хвои.
Как жаль, сегодня не снимают фильмы
Про местного значения бои.
Столетия давно подобны мигу,
Стучат секунды липкие в крови.
Быть может кто-нибудь напишет книгу
Про местного значения бои.
А я в надежде жду простых решений,
Маршруты вспоминаю не свои.
Не пишут, как назло, стихотворений
Про местного значения бои.
Пройдут года, седые краеведы
Изучат подвиг Родины сынов.
И вдруг поймут, что не было б Победы
Без местного значения боёв.

VI. Рассказывать ли детям о войне?

Рассказывать ли детям о войне?

А может им сказать совсем немножко?
Вдруг хватит детворе двух слов вполне?
К чему им знать про голод и бомбёжки?
Не вспоминать блокадный Ленинград,
Забыть героев братские могилы.
Так легче и спокойней во сто крат.
В конце концов, мы все же победили.
Зачем нам вспоминать концлагеря?
Как узников травили едким газом.
Ведь удалось же, проще говоря,
Искоренить фашистскую заразу.
Но в сердце бьётся памяти озноб.
Сегодня нам такое и не снилось,
Мы не забудем вечно, в жизни чтоб
Все это никогда не повторилось!
И дети чтобы помнили всегда,
Вели с дедами о войне беседы.
Как люди в те далекие годы,
Ковали нам Великую Победу.

Грицук Анатолий Павлович – родился в 1951 году в селе Шейни Пружанского района Брестской области Белоруссии. Окончил литературный институт им. Горького. Работал в системе профтехобразования, ходил в море на китобазе «Долгорукий», служил в органах МВД. Член СПР. Председатель Общественной писательской организации «Росток» г. Советска. Действительный член Международной академии русской словесности. Поэт, прозаик, публицист, лауреат и дипломант многих литературных конкурсов в том числе нашего конкурса маринистики. Автор тринадцати книг поэзии и прозы. Живёт в г. Советске Калининградской области.

Мореход

Памяти члена Союза писателей России,

Юрий Адамович, как там на небе
В заоблачном и неизвестном краю?
Здесь, на Земле, мало мест где ты не был,
С тралфлотом судьбу разделяя свою.

Моряк и писатель, при злобных ветрах ты
Себя утверждал, видя западный мир.
Рыбацкие будни – подвахты и вахты.
В гремящих широтах бывал «Альтаир».

На промысле только железная проза:
Ползёт многотонный с добычею трал.
Лебёдка скрипит напряжённо, до дрожи.
Крик птиц за кормой и по судну аврал.

Хоть роба пропитана солью морскою,
Идёшь до каюты и валишься с ног.
Рыбацкое счастье не в тихом покое,
А в том, чтоб с другими делиться ты мог.

Мечта рыбака между небом и морем.
Порой порывался со всем завязать.
Да разве с судьбой и собою поспоришь,
Уходишь. И нечего больше сказать.

В ремонтном составе, в морском зарубежье
Случалось «лечить» от поломок суда,
Чтоб в длительных рейсах, просторах безбрежных
Во всю под винтами бурлила вода.

каждого судна свой скрытый характер,
Придуманных правил заученный свод.
Рыбак, принимай важный жизненный фактор.
На этом и держится траловый флот.

Ведь в Тулу не возят свои самовары.
Дрова в край лесной из степи не везут.
«Семь футов под килем!» – наверно недаром
Призыв этот вечный шторма не сотрут.

Тебя помотало по белому свету.
С годами выходит отпущенный срок.
Напрасно на прошлое только не сетуй
На всё своё время. Ты сделал что мог.

Недуг подкосил так, что нету спасенья –
Без спроса ворвался к тебе на порог.
Судьба беспощадна на скорость решенья

Её приговор основательно строг.

Глаза прикрываешь. Но кто там в дозоре
Так пристально смотрит в туманную даль?
Лежит, распласталась гладь синего моря.
Закатного солнца сияет медаль.

Там у горизонта рыбакское судно
Работает с тралом. И, видно, не зря.
Ведь в трал попадают удачей не скучной
Под бликами света куски янтаря.

С водою стакан слабо держишь рукою.
И вдруг проливается на пол вода.
За осенью жизни повеет зимою.
Не уж-то на выход пора господа?..

Юрий Адамович, как там на небе?
Чем нынче большая Россия живёт?
И строчка приходит о мире и хлебе,
О хлебе духовном радеет народ.

Рыбаков Константин Павлович – родился в 1961 году в Ленинграде. Жил в Клайпеде. Работал на Западном СРЗ, ходил в море (база Тралового флота). Заочно закончил БГА РПФ (КВИМУ). В море начал писать. Первая специальность – технолог по обработке металлов, вторая – судовой механик. Зимовал в Арктике. Поэт, писатель Бард. Член ТО «Пилигримы». Победитель Международного конкурса «45-й калибр» имени Георгия Яропольского и Международного Грушинского Интернет-конкурса. Живёт птг. Сиверский Гатчинского р-на Ленинградской обл., работает в Санкт-Петербурге.

Морская буква

Как много моря в букве «ша»:
Кронштадт, бушлаты и клеша;
раскурит трубку не спеша
усталый шкипер.
В закат вонзается бушприт,
шпангоут вдумчиво скрипит,
и пахнет местный колорит
парфюмом «Шипр».

На шхуне шваброй драют ют;
швартов на шканцах отдают;
а в душном сумраке кают
шныряют крысы;
со штурмом шутит кашалот,
а шторм в ответ крушит фальшборт;
по шельфу шквал за горизонт
уходит быстрый.

В норвежских шхерах тишина.
Шатается в тиши сосна.
С ш-ш-шипением ползёт волна
на берег древний.
С шестидесятой широты

циклон швыряет под винты
шершаво-пористые льды,
ш-ш-шурша о штевни.

Шифруется рассвет в луне;
на вахте штурман в полусне;
туман шифоновым кашне
слизал оттенки.

За шепелявым ветерком
барашки пенные – пешком,
и шепчет что-то на ушко
матрос шатенке.

Как много моря в букве «ша»...
Тельняшкой греется душа;
шпигаты судно осушат
водоворотом –
и выйдет море из бортов!
Приняв планету на бакштов,
плывём в созвездии Китов
под запах шпротов.

Списанный корабль

Вот и кончился рейс, и подписан приказ на списание.
Словно старую клячу, буксиры берут под уздцы
мой общарпанный, мятый и битый седыми штормами
ржавый корпус. По палубам бродят юнцы,

что еще не хлебнули ни шквалов любви, ни сомнения,
ни тревог штормовых, ни обвисшего паруса в штиль...
Все у них впереди: будет стаксель гудеть в напряжении,
выбивать будут штевни из моря соленую пыль;

будут новые дали и мили, и рифы, и мели,
будет вахт круговерть и в загадочной дымке земля;
и салаги подхватят куплет, что допеть старики не успели,
и заложат на стапеле новый корабль. Ну, а я –

я не сломлен еще, хоть подписан приказ на списание,
и вращает винты поршневой беспрерывный кан-кан...
Я уйду. Но прошу: проходя вдоль кладбищенской гавани –
поднимите, матросы, за здравие флота стакан!

Весна

Ледок прибрежный в плаванье уходит,
прилив срывает шхуны с якорей;
пьянящий ветер над заливом бродит,
свистит в крестах облезлых мачт и рей.

Лениво альбатрос свалился в штопор,
на отмели завидев окушка;
чуть слышен кораблей скрипучий говор
о том, что просмолить пора бока...

И боцман, очумев в своей каюте,
глотнув припрятанный с зимы ямайский ром,
вдруг хрюпло гаркнул: «Эй, на полуяют!
Надраинь рынду, разрази вас гром!»

Отдав приказ, махнул ручищей ражей,
табачным дымом разогнал остатки сна.
А рыжий пёс – любимчик экипажа –
зевнув, подумал: «Вот и вновь весна!»

Барамзин Денис Владимирович – родился в 1980 в Кирове. Окончил Кировский физико-математический лицей, Вятский Государственный университет. Программист по профессии. Увлечения: экстремальные виды спорта, туризм, фотография и литература. Стихи публиковались в периодических изданиях, литературных сборниках и альманахах..

Лауреат премии им. Николая Заболоцкого.

Член Союза писателей России.

Живёт в посёлке Ганино г. Киров.

Святоносский маяк

Среди суровых северных широт,
где не родит земля ни льна, ни хлеба,
где месяц длится ночь, и всех щедрот –
полярное сияние в полнеба,
в оковах вековечной мерзлоты
спят мёртвые поморские посёлки,
стоят пусты раскольничьи скиты.

Всевластны ветры, вороны и волки –
здесь, от царя и Бога вдалеке,
где коротает век моряк вчерашний
на дальнем Святоносском маяке –
во вросшей в скалы светоносной башне.

Меж двух морей зажаты, как в тиски,
семь человек на остроносом мысе.
Здесь водка не спасает от тоски
и от больных, с ума сводящих мыслей.

От смертоносных щупалец цинги
не спрятаться за стенами в остроге.
Здесь не беда, что встал не с той ноги,
а радость, что покуда держат ноги.

...Который день бушует океан,
на вильде то и дело восемь баллов;
и руки старика (он спит – он пьян)
всё тянутся к незримому штурвалу.
И не таких сгибает жизнь в дугу.
От инвалида в море мало толку –
собачьей смерти ждать на берегу
сточившему клыки морскому волку.

...Метель кружит над шпилем маяка,
по одному страдальцев прибирая,
хромым калекой брезгует – пока.
А шестеро – лежат рядом в сарае.
Их даже не склонишь по-людски...

Но души ждёт небесная обитель.
Ведь звёзды – это тоже маяки,
и, значит, – каждой нужен свой смотритель!

А тот – один на вымерзшей земле –
кому досталась чаша страстотерпца,
пусть спит, пока пульсирует во мгле
свет маяка, как огненное сердце.

* Маяк установлен в 1862 году на мысе Святой Нос (Кольский полуостров). В первую же зимовку от цинги из шести человек команды погибли пятеро. Сам смотритель (унтер-офицер в отставке Филиппов) выжил, но по причине перенесённой болезни оставил службу на маяке, на смену ему пришёл отставной унтер-офицер Алексеев. В следующую зимовку от цинги на маяке погибла вся команда – кроме смотрителя.

** Вильд – разговорное название флюгера Вильда – простейшего прибора для измерения скорости ветра.

экономический факультет Московского Авиационного Института (МАИ). Поэт, писатель, автор-исполнитель песен на свои стихи. Победитель и призёр многих литературных конкурсов в том числе и нашего конкурса маринистики. Пишет стихи и прозу на русском, английском и французском языках. Стихи переводились на белорусский и чувашский. Работает техническим писателем и переводчиком. Живёт в г. Торонто, Канада.

Рыбы крабам кажутся птицами

* * *

Старик-маяк в просоленных краях.
Старик-смотритель обживает остров,
Туман молочный киснет. Свет иссяк.
Суставы ноют. Проржавел костяк.
Стекло у фонаря отмыть непросто.

Мазута пятна на скамейке тут,
Там – лампочка сгорела у сарая.
Старик-маяк, маяк-старик живут,
Скрипят, цепляются за свой уют,
Друг друга молчаливо понимая.

* * *

Волна шептала, набегая, отбегая –
Сердилась, что её не понимаю.
Печалилась, вскипала светлой пеной –
За ней вошла я в море по колено.

Ей мало – тянет дальше за собою
И шепчет мне о нежности прибоя.
Чарующий, шуршащий, дивный голос –
Я в море за волной вошла по пояс.

И волосы завились буйной пеной.
И рыбий хвост взметнулся от колена.
Забыла я о человечьем теле.
А шёпот моря слышен еле-еле...

* * *

Рыбы крабам кажутся птицами –
Лебедями и голубицами.
Будто крыльями, машут хвостами.
Собирают цветастую стаю.
Исчезают в прозрачной дали.
Видно, лето – на север ушли.

Так, в порыве сезонной тоски,
Наблюдают манёвры трески.
Вон – отправился сельди косяк –
И его поглотил полумрак.
Машут крабы далёкой тьме:
«Возвращайтесь обратно – к зиме.»

* * *

Замешивая вихрем облака
В зеркальной глади утреннего моря,
Бежит за лодкой зыбкая река
Без берегов – из радости и горя.

Так и за мною теплятся следы,
Петляют, остывая понемногу.
Я – как вода. Теку среди воды
И собираюсь в дальнюю дорогу.

И вновь ровна поверхность за кормой.
Лишь гребни волн, как рой дельфинных спин,
Разносят память о реке былой –
С небес им вторит журавлиный клин.

В теченьи лет лежит мой краткий путь,
Мой зыбкий след – осталось лишь шагнуть.

* * *

В потоке времени и жизни
Замру на краешке прибоя.
А берег волнами облизан...
Причуды времени капризны:
С рождения до самой тризны,
Идя по жизни, быть собою.

Как сложно, время, быть собою,
Не щепкой, брошенной на камни...
За шагом шаг, от боя к бою,
Бреду по жизни я босою,
След оставляя полосою –
И лижет голени волна мне.

В потоке времени и жизни
Куда ведёт меня дорога?
К тому что дорого, к отчизне,
К Нему, что шепчет: «Не раскисни...»
К любви простой и бескорыстной,
К началу нового пролога.

* * *

Песочное время
Осыпалось по берегам
Крупою зернистой,
Песчинками бывших минут.
Крупинками время
Ссыпается в жизни бархан,
Стекается в море –
Тут.

Песочное время
Течёт, оседая, по нам.
Песочная память
На коже рисует следы.
У кромки прибоя,
Ладонь подставляя волнам,
Задумчиво бродишь
Ты.

Снимаю часы я
С запястья, кладу на песок.
И тиканье стрелок
Стихает, молчанию в такт.
Глаза закрываю,
Со мною – ты, море и Бог.
Песчинкой одною –
Так.

Девятков Вячеслав Владимирович – родился в 1969 году в селе Болчары Тюменской области. Служил в Советской армии, учился в Тюменском государственном университете, был сотрудником правоохранительных органов, трудился в областных печатных изданиях корреспондентом, обозревателем, ответственным секретарём.

Издано несколько поэтических сборников. Член СПР. Живёт в Тюмени.

Только море

Ещё вчера всклокоченное море
Шумело и об скалы разбивалось,
А ныне, утолив и гнев, и ярость,
Оно у ног тихонько распласталось.

Как радостно увидеть на просторе
Далёкий парус, крылья альбатросов,
Услышать крики чаек и матросов,
Матросов, у которых нет вопросов.

Ах, это море! Ласковое море!
Ещё вчера гроза вовсю гремела,
Сверкала, устрашающе чернела,
Душа моя то плакала, то пела,

И вечер обещал пройти в миноре.
Ещё вчера трезубец Посейдона
Выглядывал из бездны раздражённо,
И смертью пахло рушище Харона!

Но вот Юнона в солнечном уборе
Спешит согреть мой старый добрый город.
Он также светел, и, как прежде, молод,

И не берут его ни глад, ни голод,
И только море плещет в окна, только море.

Опустите меня в темноту Петрограда

Опустите меня в темноту Петрограда,
Где вот-вот загорятся вокруг фонари,
Где когда-то я был капитаном фрегата,
И зарю целовали матросы мои.

Опустите меня в петербургское небо,
У Ростральных колонн, над холодной Невой,
Где плывёт в тишине изумлённая небыль,
И где воздух пропах красотой грозовой.

Там обиды, сомненья, печали короче,
А разлуки, канаты и время длинней.
Опустите меня в петербургские ночи,
В золотое сиянье портовых огней.

Где-то там по дворам, по мостам и каналам
Бродят выюги, метели, бездомные сны,
А дома, что во мраке темнеют устало,
И надежд, и тепла, и объятий полны.

Видно, снова ко мне ностальгия вернулась,
Парусами во тьме надо мной шелестя.
Так зови меня в море, счастливая юность,
Петербургская звонкая юность моя!

Опустите меня в темноту Петрограда,
Где вот-вот загорятся вокруг фонари,
Где когда-то я был капитаном фрегата,
И зарю целовали матросы мои.

Он был тонок, как прутик...

Он был тонок, как прутик, мечтатель крылатый,
Он ложился в постель, и включалось кино:

Альбатросы кружили, стреляли пираты,
И солёные брызги стучали в окно.

А на полках шептались потёртые книги,
Бородатый писатель смотрел со стены.
Но смеркалось едва, каравеллы и бриги
Парусами шумели, сокровищ полны.

На ветру разевались знамёна и гривы,
Не хватало солдатам ни ружей, ни шпаг.
Деревянная сабля врубалась в крапиву,
И в итоге повержен был мстительный враг!

Пусть однажды уходят мечты и надежды,
И кончается детских фантазий кино,
Но я верю, друзья мои, что, как и прежде,
Бьются волны морские мальчишкам в окно.

Корабли, паруса и моря

Проживи эту жизнь, если хочешь, у синего моря,
На песчаном, прогретом и мокром от волн берегу,
С молодыми ветрами, штормами и бурями споря,
Соглашаясь со всем, что случится с тобой на веку.

Проживи эту жизнь под зелёными звёздами юга,
Соберись, и с решением быть моряком не тяни,
Оглянись, и сойди с безымянного узкого круга,
И рыбакцкой удаче скорей посвяти свои дни.

Проживи эту жизнь, словно яркую, звонкую песню,
Там, где взор твой не будет печален, уныл и суров,
И пускай твоё сердце, как чайка, летит к поднебесью,
И пускай твоя кожа покроется бронзой ветров.

Кто-то ищет, находит, взлетает и падает снова,
У кого-то душа пропадает и гаснет зазря.
Нет ни адреса, и ни прописки у счастья людского,
Но зато нам даны корабли, паруса и моря!

В Зурбагане сады зацвели

В Зурбагане сады зацвели,
И душа моя снова легка.
Алый парус трепещет вдали,
И над морем плывут облака.

Моряки стали солью земли,
Вот и мне б научиться у них
Выводить в океан корабли
Среди бурь и ветров штормовых.

Снова слышу я чаячий крик,
Он в душе замирает моей...
О, как много в нас песен морских,
И далёких бездонных морей!

И откуда она – эта прыть,
И откуда она – эта стать?
Мне скорее бы в дали уплыть,
Мне скорее бы звёзды достать!

В Зурбагане сады зацвели,
И душа моя снова легка.
Алый парус трепещет вдали,
И над морем плывут облака.

Тетенькина Татьяна Григорьевна – родилась в Брестской области. Окончила факультет журналистики Белорусского государственного университета в Минске. В 1971 году переехала в Калининград. Работала редактором в газетах и книжных издательствах. Член Союза писателей России. Живёт в Калининграде.

Море и берег

Сосны косо взбегают на взгорье,
А под ними – обрыва дуга.
Только ты не торопишься, море,
Остаёшься в своих берегах.

И с чего бы тебе торопиться –
Реки сами свой дар принесут,
А взгрустнётся – весёлые птицы
Прилетят и споют про Косу.

Если ветер взбунтуется зверем,
Будет биться о гребень волны,
Всё равно не покинешь ты берег
Ни с одной, ни с другой стороны.

Научи меня, море, терпенью,
Научи в себе бури гасить.
Простодушно, а лучше – степенно
Все неправды людские сносить.

Ты сегодня чрезмерно игриво,
Набегаешь внахлёт на буйки.
Я живу, как сосна у обрыва,
Я боюсь, что подмоет пески.

Куршская коса

Ветер с моря, ветер с моря,
Волны рвутся на Косу,
Сосны гнутся – не сдаются,
Защищают полосу.
Неустанное боренье.
Шторм, вода, песок и лес.
Жизни вечное кипенье –
Угасанье, возрожденье –
Ты увидишь только здесь.

Слёзы моря

Солёное море...
Кто столько наплакал
Ещё до рожденья людей?..
Веками дарило ты
слёзы по каплям
Всем, кто в твои воды глядел.

Не стала пучина
ни слаше, ни мельче
От щедрости этих даров.
Твой нрав беспокойный
прибоем отмечен
До самых крутых берегов.

Но слёз не размоют
ни пресные реки,
Ни ливни, что бьют по волне.
Ты часто бываешь
отчаянно резким –
И я понимаю твой гнев.

К тебе не иду я
с тоской или горем –
Всему должен быть свой предел.
Не высушишь слёзы,
солёное море,
Таков твой бессменный удел.

Приморский бум

Палящий зной. Приезжих тьмы и тьмы –
Должны им отпуск обеспечить мы.
Покоя нет почти до холодов...
Таков удел приморских городов.
Чужой уклад, чужие голоса.
Умыться жаждет пляжа полоса –
Гоняет ветер фантики конфет...
А мы здесь кто? – А нам здесь места нет.
Наступит слякоть – будем отдыхать,
О лете с огорчением вздыхать
И ждать, как очищения, зимы,
Где станем вновь хозяевами мы.

Свидание

(Песня)

От Керчи до Азова всё море бирюзово,
Лишь изредка ныряют седые гребни волн.
Твои всего две фразы... Но жаль – они не сразу
За ветром долетели до сердца моего.

Препев:

А солнце светится, а море светится
И лижет ноги нам, как верный пёс.
А нам бы встретиться,
чуть раньше встретиться,
Да чтобы ветер фраз вдаль не унёс.

Цепляясь друг за дружку, купаются ракушки.
Давай монету бросим в морскую глубину.
Нептун её подхватит, сторицей нам отплатит –
И снова позовёт нас в нимфейскую страну.

Препев.

Эйза Людмила Александровна – родилась в Берлине 16 ноября в семье военнослужащего. 40 лет работала медицинской сестрой. Поэт. Заместитель председателя общественной писательской организации «Росток» города Советска Калининградской области. Автор шести поэтических книг. Победитель и дипломант многих литературных конкурсов, в том числе нашего конкурса маринистики. Член Союза писателей России. Член приёмной комиссии Калининградского отделения СПР. Живёт в г. Советске.

* * *

А море снизошло, к ногам прижалось.
Я вырвалась к нему в один из дней,
Чтоб поделится радостью своей,
А не скучить и не давить на жалость.

Сегодня штиль и волны лишь для вида,
Вздыхает море, словно добрый зверь,
Ах, море, забери мои обиды –
В нём соль от слёз и от людских потерь.

Терять и находить в морских просторах
Случалось человечеству не раз.
И морю я не выкажу укора,
Но не об этом ныне мой рассказ.

Так щедро море делится покоем –
Простор бескраен и безбрежна синь...
А день сегодня ярок и красив
И радость стихотворно строкою...

На Балтийской косе

Дыханьем моря насладиться
И, словно парус на ветру,
Затрепетать. Мне по нутру
Простор бескрайний. Будет снится:
Морская ширь и глубь небес,
И всё, что видится окрест.

Стою на краешке России.
За морем берег – он чужой.
Но здесь я телом и душой,
Куда б меня ни заносило.
Разлёгся чинно дикий пляж,
Балтийский радует пейзаж.

Волна к волне с песком играют
И тихо стелются к ногам,
Стремятся к нашим берегам,
Ведь нет нигде прекрасней края.
Близка мне эта красота...
Здесь наша область неспроста!

Зеленоградский променад

Зеленоградский променад
Вальяжно лёг вдоль побережья.
И обдувает ветер свежий
Тех, кто сюда приехать рад.
Идём на пирс. Крутой волной
Играет Балтика небрежно.
Мы счастливы с тобой, как прежде,
Под шум прибоя, ветра вой.
Брызг мириады нам в лицо.
От платья парусность такая,
Что сердце в страхе замирает,
Но рядом муж – он молодцом –
В моря ходил, бывал в штормах...
Страницы памяти листая,
Он говорит мне:– Дорогая!
Не тот масштаб, не тот размах,
Но лучше б нам на променад,
Там безопасней, это точно,
Не так буйнат ветер склочный,
Смотри, и шторм идёт на спад.
Свернём к Мецкевичу и в парк –
Дорожек новых видим строчки.
Вернёмся, посетим источник,
Как будто взяли новый старт.
Зеленоградский променад
Вальяжно лёг вдоль побережья.
И обдувает ветер свежий
Тех, кто сюда приехать рад...

А был ли шторм?

Вдруг ветер вздыбил волны броско,
Их белопенные причёски
Метались клочьями несносно –
Случился шторм.
День выдался совсем нежарким:
Прохладным, ветреным подарком –
Добавил впечатлений ярких –
Душе простор.
Зонты навыверт, дождь вприпрыжку.
Вдали над морем молний вспышки.
Зато гуляем без одышки
Мы с этих пор.

Повеяло осенней грустью:
На променаде стало пусто,
Лишь ветер завывал искусно,
Свистел, как вор.
А через день тепло вернулось
И небо сбросило сутулость,
И море снова улыбнулось...
А был ли шторм?

Колмогорова Наталья Ивановна - родилась на станции Клявлино в то время Куйбышевской области. После окончания Куйбышевского педагогического училища, вернулась в родные края. Работала воспитателем, журналистом местной газеты, экскурсоводом в музее, директором центра ремёсел, организатором культурно-массовых мероприятий, педагогом дополнительного образования. Пишет и стихи и прозу в основном для детей. Издано 15 книг. Лауреат и дипломант многих литературных конкурсов, в том числе и нашего конкурса маринистики. Член Российского союза профессиональных литераторов. Живёт на станции Клявлино Самарской области.

Однолюб

Изъеден молью жизненный сюжет,
Ещё одна нелепая «лав стори»:
Хотя в помине моря рядом нет,
В его нутро навеки въелось море.

Раздвинув утром парусины штор,
Он сетует, что снова реет ветер,
Шумят берёзы, но как будто штурм
Гудит в трубе и воет на рассвете.

Течёт меж пальцев время, как песок,
Фонарь маячит у ворот в дозоре...
Ах, если б снова приобнять он мог
Своё шальное пенистое море!

Соврёт: – Давно привык я к холодам...
Ему не верьте, ни за что не верьте!
Он любит ночь, как сорт вина – «Агдам»,
Разлука с морем – хуже всякой смерти.

И если скажет: – Пообык, ей-ей!
Я усомнюсь – и это мне знакомо,
Ведь облака, как стаи кораблей,
Опять пришвартовались к крыше дома.

Он ищет жемчуг звёзд на дне небес,
Он иногда под утро засыпает...
Кто видел море, тот не может без
Его любви, и каждый день скучает.

Листву срывает ветер-баламут,
И шум дождя опять звучит в «миноре»,
Наверно, он – типичный однолюб,
В его душе навек осталось море...

В море луна упала

В море луна упала
мертвенна и бледна,
может, она устала
на небе быть одна?

Рыбой в воде плескалась,
берег лишая сна...
Вот, ощущив усталость,
тихо коснулась дна.

Вспыхнула ярко сфера,
стало, как днём, светло!
Стелется мягче фетра
лунный морской песок...

Я по песку ступала -
стопы огнём сожгла,
в море луна упала -
в мире настала мгла.

Будет потерян вскоре
след мой среди дорог...
В капле солёной – море,
в каждой песчинке – Бог.

Буду штурманом твоим

Опять шторма бушуют за окном,
А мы, не зная цель, вперёд летим...
Мой капитан, прошу лишь об одном –
Позволь, я буду штурманом твоим?

Сверяя курс по звёздам и луне,
Мы шли вперёд, нас бил девятый вал,
Но ты всегда уверен был во мне,
Держа в руках фортуну и штурвал.

Мой капитан, вдали я вижу цель!
Ты на меня, как прежде, положись...
Пускай не раз садились мы на мель,
И нас на прочность проверяла жизнь.

Пусть погибали мы с тобой не раз,
И ветер мачты вдребезги ломал,
Но верным курсом вёл вперёд компас,
Но крепко ты сжимал в руках штурвал.

И несмотря на бурю, дождь и мрак,
Плечом к плечу мы шли немало лет,
Нам сквозь туман вдали светил маяк,

И в тихой гавани мы встретили рассвет.

Мой капитан, прошу, не обессудь!
Я стала старше, мой корабль – диван...
Но если скажешь – «завтра снова в путь»,
Во мне не сомневайся, капитан!

Резвова Юлия Александровна – родилась во Ржеве Тверской области. Училась в Калининском университете на педагогическом факультете, позже получила библиотечное образование. Стихи пишет с детства, размещая их на просторах интернета. Выступает со своим творчеством, как детский и взрослый поэт на различных сценах и площадках Питера и других городов. Неоднократный лауреат многих литературных конкурсов. Живёт в г.п. Виллози Ломоносовского района Ленинградской области.

* * *

А где печаль? – Волной о камни бьётся,
И вновь пыхтит кургузенький буксир,
Что порт готов к сезону судоходства
И все тревоги стоят пары лир!
«Прощай, прощай!» – смеются в небе чайки, –
«Есть остров счастья, нам туда пора!»
И облаков невыжатые майки
Плохой погодой дразнят кливера!
«Прощай, прощай!» Не станет море плакать
О тех, кто сдался и ушёл на дно,
По всем статьям – в душе прогноз на слякоть,
Но море – лишь с отвагой заодно!
Так, вопреки осёдлости науке
И прочь убрав швартовых кандалы,
Уходим в море от портовой скуки,
Летя стрелой сквозь пенные валы!

* * *

Не факт, что в нас станет меньше безумия и вранья,
Что ветер попутный сменят тяжёлые якоря,
Осёдлость – сродни безделью на суще, а твой бушприт
Скучет по морю. Оно никогда не спит!

Ты вечный его романтик, носимый волною криль!
Пусть нам до себя вчерашних теперь квадрильоны миль:
Улыбки лихих корсаров, в лицо водяная пыль...
Скажи, ты нашёл на суще такую быль?

Не сетуй на жизнь осёдлых, где годы кладут под спуд,
В глазах твоих –танец моря, бездонная синь Бермуд,
Кружиться, кипеть и солью дубить вещество души,
Послушай прибой внутри, всё себе скажи!

Чем правду искать на суще, где правит всесильный быт,
Срывайся в объятья моря, оно никогда не спит!
Оно – твой свидетель жизни, движения вечный тяж!
Оставь суetu до срока, ступай на пляж!

Ночная вода, как деготь, загадочный антрацит,
Поверит и успокоит, наполнит, обворожит,
Стоишь, поцелован Богом в макушку, пришёл домой,
Объятый прибоем, рокотом, синей тьмой...

* * *

Он взвешивает ветер на весах
И зашивает дыры в парусах
В худую пору мартовских истерик,
Он знает, что зима – всего пролог:
Вот-вот проступит море между строк
И волнами облизнет сонный берег!

И оторвавшись от родной земли,
Пойдут к далёким странам корабли,
В чьих трюмах шёлк и шармус вдохновенья,
И будет вечный призрак маяка
Дразнить ловцов жемчужин языка
И будоражить внутреннее зренье!

Раз жить не можешь и ходить, как все –
По золотой прибрежной полосе –
Так жди прилива и латай ботфорты!
Детализируй, режь, крои, сшивай!
Пока не хлынет горлом через край
Рисунок чувства в технике офпорта!

И дом тебе – и шторм, и непокой!
Ты обручился с ведьмою морской,
Седой рыбак – искатель непогоды!
Да ты и жив лишь морю вопреки:
Словесным зельем лечишь синяки
И горький стих твой долго пахнет йодом!

Студёным ветром обдевать живых,
Вертеть сердца в бочагах ледяных
Иль души опрокинуть, как байдарки, –
Работа моря, друг! Дела просты:
В нём всё кружится – люди и кусты,
И чувства, от которых слишком жарко!

И где тот день, безумный капитан,
Когда уходит к югу ураган,
В бараний рог закручивая флаги,
Когда отрада сердцу, наконец:
И бьётся в лодке слово, как тунец,
И за спиною строк архипелаги?!..

* * *

А дни летят фрегатами
По солнечной воде,
Любимыми, богатыми,
С тобой мы были где?!

Вся жизнь – в заплатах рубище,
Пиратский чёрный стяг!
Виват, морские чудища!
Виват, судьба бродяг!

Кому с тобой светили мы,
И был ли свет, my dark?

Рвёт пену волн флотилия –
Корвет, каракка, барк!

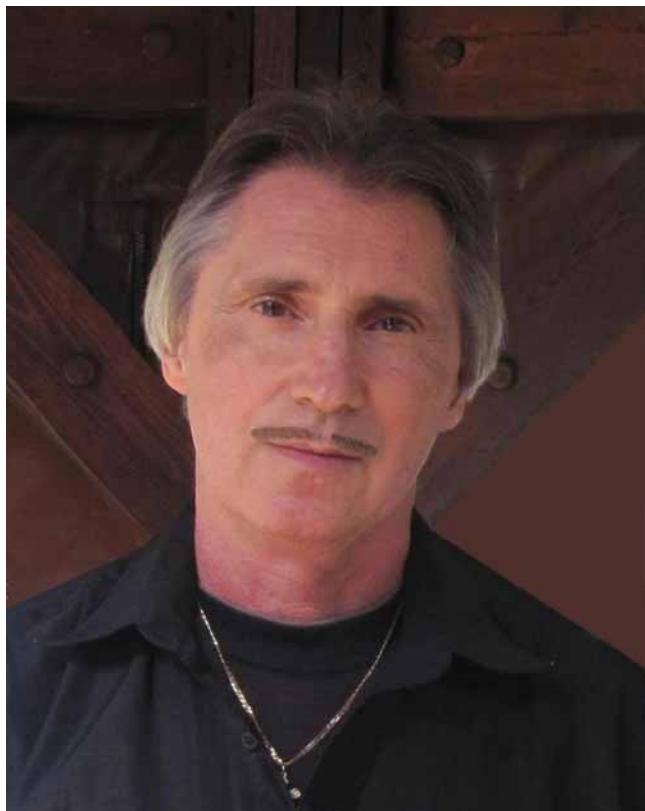
И было ль страшно, Боже мой,
Когда тонул твой бриг? –
Но соль – уже под кожею!
Но сердце – чайки крик!

И скрип нагретой палубы –
Души заблудшей стон!
Ты слышишь наши жалобы,
О, древний Посейдон?!

Судьба ли яд подсыпала
В бокал твой? Нет, my dream! –
Тебе удача выпала
Быть зрячим, быть живым!

Батрушевич Валерий Евгеньевич – родился в г. Кемерово. Учился в двух ВУЗах: военном и гражданском. Работал электромехаником на Калининградской железной дороге. Поэт. Печатался в региональных периодических изданиях и альманахах. Автор четырёх поэтических сборников. Недавно стал членом Союза писателей России.

Живёт в Калининграде.

Море

Чайка

Над морем осенним печальным,
Над серой, холодной волной
Парит белокрылая чайка,
Не зная печали земной.

Потом опустившись неспешно
На влажный валун вдалеке,
Рисует цепочки потешных
Следов на прибрежном песке.

Рисует довольно небрежно –
Посредственны птичий труды,
А море стирает прилежно
Абстрактных рисунков следы...

Недоступное море

На своём домашнем мониторе
Созерцая вечный произвол,
Я давным-давно не видел море –
Этих вольных и высоких волн.

Хочется на море не случайно:
В лёгкой дымке солнечного дня
Там отчаянно скучают чайки,
Может быть, им скучно без меня?

Но в плену компьютерных историй
Я живу покорно, не спеша,
И о близком недоступном море
Лишь мечтает грустная душа...

Светлогорск

Он и *светлый* и *горы* прекрасные,
Правда, ниже, чем их Эверест,
Но какие же девушки классные
Обитают и в нём и окрест.

[Добавить комментарий](#)

[Комментарии](#)